

<http://www.vz.ru/culture/2007/10/31/121520.html>

Круги по воде

На юбилейном концерте Валентина Сильвестрова в Рахманиновском зале Консерватории состоялись три мировые премьеры

31 октября 2007, 18:21
Фото: obriy.pib.com.ua
Текст: Дмитрий Бавильский

Концерт авангардиста из плеяды А. Шнитке, Э. Денисова и С. Губайдулиной был приурочен к 70-летию композитора. К сожалению, музыку Сильвестрова в Москве исполняют редко, дисков не купишь, поэтому концерт состоял из трех отделений и затянулся дольше обычного.

Камерная музыка Сильвестрова, исполненная в Рахманиновском зале, обнаружила два мощных течения внутри одной композиторской жизни. Экспериментальные диссонансы прежних лет соседствовали в программе с мелодичными опусами последних лет.

«Более всего такая музыка напоминает круги, расходящиеся по воде. Складки постепенно разглаживаются...»

Хорошо, что этот тонкий и изысканный праздник не стал светским мероприятием – медийные лица со свитами не отвлекали от лирических багателлей и серенад, пришли только те, кому интересна сложная и непростая музыка Сильвестрова.

Неформальная атмосфера Рахманиновского зала с постоянными посторонними шумами делает любой здешний концерт камерным и даже интимным.

Что как нельзя лучше подходит к личности чествуемого юбиляра – принимая поздравления, Валентин Сильвестров ни разу не поднялся на сцену, приветствуя музыкантов и слушателей из зала. Все три отделения он просидел с диктофоном, записывая исполнение своей музыки. Работа прежде всего, даже и для сосредоточенного на гармонии человека.

Слово и жест

Музыка Сильвестрова, исполненная в Рахманиновском зале, обнаружила два мощных течения

Первое отделение (именно на него и пришлось три мировые премьеры) состояло из чередования вокальных и фортепианных циклов. В этой тихой и гармоничной музыке сложно было опознать радикального экспериментатора, которым Сильвестров был в 60-ые и 70-ые годы прошлого века.

Произведения последних лет, весьма цельные и мелодичные, построены на диалоге с классическими предшественниками. Прежде всего романтиками – Шубертом, Шуманом, Шопеном. Опусы на стихи Балтрушайтиса и Ходасевича оборачиваются стилизациями в духе «Мира искусства», сомовских маркиз; хрупкими рисунками, тающими в подступающей тишине...

Сильвестрова волнует соотношение литературы и звучащих материй, нот и слов, голоса и музыки, оттого тексты вокальных циклов кружат вокруг тишины и звучащих звуков, говорения и воспоминаний о словах.

Либретто говорит само за себя. Блоковское «О, сколько музыки у Бога, какие звуки на земле» сменяется стихотворениями Седаковой и Целана, названными «Голос» и «Голоса». Из Мандельштама берется четверостишие про «Звук осторожный и глухой», а из Ахматовой – «Лучше кликну чакону Баха», что позволяет вплести в звуковой ряд аллюзии к Иоганну-Себастьяну.

Аккуратное, сдержанное сопрано Светланы Савенко и фортепиано Юрия Полубелова позволяют расслышать каждое слово, каждый звук. Тем более что «поздний» Сильвестров не особенно щедр на россыпи – каждая нота у него зависает перед паузой полного исчезновения, важно расслышать любую клавишу. И пауза здесь не менее существенна, чем касание.

Вся музыка XX века – о поиске и невозможности гармонии. Авангардисты работают с депрессиями, диссонансами и невозможностью цельности, которая обычно заключается в мелодии, связывающей разрозненные элементы в единое целое.

«Поздний» Сильвестров приближается, насколько это возможно, к мелодичному и цельному звучанию, неожиданно «выскакивая» из общего умонастроения. Однако и у него мелодия, закипающая в недрах рояля, вдруг прерывается, останавливается, «подвисает».

Волнение не сменяется разрешением, драматургия нагнетается, но не находит выхода, спотыкаясь о тишину. Вопрошая... Почти дзен. Юрий Полубелов замирает над каждым рассеивающимся звуком, словно бы опус уже закончился, и более всего такая музыка напоминает круги, расходящиеся по воде. Складки постепенно разглаживаются, стираются, выравнивая водную гладь до полной, медитативной бесчувственности.

Архивисты и новаторы

Последующая программа была построена на противопоставлении традиционного звучания (именно так, с добавлением джазовых акцентов Алексей Любимов исполнил девять фортепианных пьес 2005–2006 годов) и радикального авангарда, за которые отвечали выступления ансамбля «Студия новой музыки» и академического камерного оркестра «Musica viva».

Особенно эффектной оказалась Вторая симфония для флейты, ударных, фортепиано и струнного оркестра (1965), в которой солировали Малика Мухитдинова (флейта), Андрей Винницкий (ударные) и Иван Соколов (фортепиано), похожая на саундтрек к несуществующему мультфильму на темы рисунков Соостера или Миро.

Дирижер Александр Рудин словно бы вел курсор музыкального видеоискателя сквозь открытый космос. Густые и плотные, симфонические почти массивы с неожиданно возникающими обрывками мелодий чередовались здесь с метеоритными дождями, отдельными астероидами и даже черными дырами.

Сtereo шумит со всех сторон, подхватывая шепоты и крики, стуки и выплески музыкальной материи – то сжатые до сверхплотного состояния, а то и разреженные, что твой воздух, Москва.

Драматургия Валентина Сильвестрова строится из симметрии, интереса к отражению, к звучанию и его эху, переключкам – прежде всего с предшественниками, как во Втором струнном квартете (1988), исполненном квартетом ансамбля «Студия новой музыки», где реплика к Шостаковичу звучит фундаментальным основанием скрученной в жгуты конструкции.

Так современные философы занимаются в основном комментированием Платона и Ницше.

Ни слова в простоте. Когда философия не объясняет жизнь, но перетолковывает сказанное раньше.

И очень важно, когда вдруг, словно бы случайно, эта невозможная ныне простота возникает на концерте. Да-да, оглушая.

Текст: Дмитрий Бавильский